

А. В. Дружинин.

Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов

(Из путевых заметок)

И. Гончарова. Спб., 1855

=====

Оригинал находится [здесь](#).

=====

Не раз уже имели мы случаи беседовать с читателями о наших родных русских путешественниках и по этому случаю высказывать все наше уважение к талантам туристов-повествователей, не переводившихся на Руси, - от времен Фонвизина 1} до последних поездок г. Ковалевского 2}, от русского путешественника Карамзина до г. Платона Чихачева 3}, к сожалению, так мало писавшего в последнее время. Говоря об этом предмете, можно назвать много имен, великих для науки или дорогих читателю. У нас, конечно, еще не было своего Брюса 4}, вытерпевшего всевозможные страдания для того, чтобы зачерпнуть воды в источнике Нила, или раджи Брука 5}, покинувшего родину для войны с малайскими пиратами; но из этого еще не следует, чтобы наша юная словесность не была богата превосходными путевыми рассказами. Пора проснуться, взглянуть вокруг себя, оторвать глаза от иноземных героев, отвратить слух от чужих рассказчиков, а затем перечесть наши собственные богатства. Большую заслугу русскому обществу оказал бы предприимчивый издатель, который решился бы составить для публики полную библиотеку русских путешествий и путевых заметок за границу. Тогда, быть может, перестали бы мы слышать от русских людей жалобы на то, что у нас совсем нет книг, занимательных для юношества и соединяющих в себе увлекательное изложение с запасом полезных и положительных фактов. Такие жалобы нас всегда возмущали немного: мы видели в них проявление несокрушимого предрассудка о крайней бедности русской словесности, - предрассудка, к сожалению, еще до сей поры распространенного в тех, так называемых, изящных слоях общества, где господствует французская речь, французский вкус и сопряженное с ними неведение по части отечественного искусства. Как? вы соглашаетесь, что чтение талантливых путешественников есть великое наслаждение, что оно способно увлекать, облагораживать умного юношу - и вместе с тем не хотите вспомнить, что у нас были Головнин 6} и Рикорд 7}, что путешествие Врангеля 8} исполнено величайшей занимательности, что о всякой почти стране земного шара имеется хотя одно отличное сочинение, писанное русским, что, наконец, в новой, текущей литературе существуют прекрасные труды, соединяющие интерес содержания с блистательно-литературным изложением? Вы упиваетесь игривыми заметками Дюма во время его переездов по Европе, вы раскупаете "Константинополь" Готье 9}, так что книгопродавцы не успевают выписывать новые экземпляры книги - а между тем остаетесь холодными, когда выходят книги г. Ковалевского или итальянские письма г. Яковлева 10}. Вас приводит в восторг Фордов "Путеводитель в Испанию 11}- и вы не хлопчете о том, чтобы собрать в одну книгу "Письма об Испании" г. Боткина. Статьи Габриэля Ферри 12} имели в России успех, перед которым бледнеет успех едва ли не всех наших туристов. И сколько других подобных поклонений чужому можем мы насчитать, если бы того захотели: мы не имеем намерения унижать иноземных путешественников: мы вполне соглашаемся, что чтение их произведений приносит с собою и наслаждение, и благотворные результаты; но мы сознаем одну истину: никакой, даже гениальной чужестранец не в силах дать русскому человеку того, что ему может дать просто талантливый русский писатель. На этой аксиоме незыблемо стоит значение нашей словесности, тут ее сила и тут ее великая будущность. Народность и самостоятельность каждой литературы держатся на духовной, таинственной, неуловимой связи между самой словесностью и народом, в котором она создалась. Англичанин пишет для англичан, немец для немца, француз для француза, русский для русского. Лучший ценитель каждому писателю есть его соотечественник; первый наставник каждого читателя есть писатель, ему родной по крови, языку, привычкам, характеру, даже народным недостаткам. Слово, сказанное чужестранцем, льстит нашему слуху, слово согражданина прямо отзывается в нашем сердце. Рассказ бывалого иноземца может нас увлечь и восхитить; но рассказ собрата нашего есть часть собственной нашей жизни. Русский поэт, русский ученый, русский беллетрист, русский путешественник говорят те слова, которые читатель как будто сам хотел сказать; а слов подобного рода с трудом добьетесь вы не от своих мыслителей. Попробуйте замкнуть себя в область одного чужеземного искусства, и вы, если еще не